

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

Сообщения Ростовского музея

Выпуск XXV

Ростов
2020

Возвращение Обрюты

С. М. Каштанов

Памяти
Анны Леонидовны Хорошкевич

Посылка молодых людей за границу для обучения иностранному языку — новый момент в истории русской культуры и образовательной практики XVI в. Сведения о фактах такого рода содержатся в 1-й и 2-й посольских книгах по связям России с Грецией¹. Из них явствует, что в 50-х годах XVI в. один, а в 80-х годах два «стажера», посланных Иваном Грозным, проходили обучение греческому языку и грамоте в Константинополе. Оба случая отмечены в литературе².

¹ РГАДА. Ф. 52 (Сношения России с Грецией). Оп. 1. Кн. 1–2. Кн. 1 опубликована: Россия и греческий мир в XVI веке / подгот. к публ. С. М. Каштанов и Л. В. Столярова при участии Б. Л. Фонкича; отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2004. Т. 1 (далее — РГМ. Т. 1).

² [Муравьев А. Н.] Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858. [Ч. 1]. С. 69, 134–135; Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соч. М., 1989. Кн. 4, т. 7. С. 101; Савва В. [И.] Несколько случаев изучения иностранных языков русскими людьми во второй половине XVI в. // Сб. статей в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 151–155; Soloviev A. Histoire du monastère russe au Mont-Athos // Byzantion. Bruxelles, 1933. Т. 8, fasc. 1. P. 230, note 4; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 328; Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 112, примеч. 20; Его же. Эволюция великокняжеского и царского титула в грамотах афонским монастырям XVI в. // Россия и христианский Восток. М., 1997. Вып. 1. С. 118 (примеч. 53), 130; Его же. К истории русско-греческих культурных связей в XVI в. // Московия: Проблемы византийской и новогреческой филологии. М., 2001. С. 216; Его же. Проблема достоверности авторства исторического источника // Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его текст. XV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2003 г. Материалы конференции. М., 2003. С. 118; Его же. Русский ученик в Константинополе в середине XVI века // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2006. Т. 3. С. 201–214; Граля И. Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994. С. 469, примеч. 35; Де-Микелис Ч. Дж. Неизданные источники на греческом языке об Иване IV // Римско-константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика. IX Международный семинар «От Рима к Третьему Риму». Москва, 29–31 мая 1989 г. М., 1995. С. 233; Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 280–281; Сиренов А. В. Степенная

Нами было обращено особое внимание на личность первого из «стажеров» Ивана Грозного³. В своих письмах о нем в Константинополь и на Афон в 1551 г. царь представляет его как «Обрюту Михайлова сына Грекова»⁴. В Константинополе, где русский ученик провел 10 лет (1551–1560 гг.), русское прозвище «Обрюта» перевели словом «Мамалах», означающим примерно то же, что и «обрюта»: сосунок, молокосос⁵. Однако, вернувшись на родину взрослым мужчиной, Обрюта-Мамалах словно сквозь землю провалился. После 1561 г. никаких сведений об этом персонаже в источниках нет.

Встает вопрос, не мог ли он продолжить свое существование под другим именем? Для ответа на этот вопрос попробуем сначала систематизировать данные о том, кто, когда и как его именует. Подобная систематизация проведена нами в таблицах 1 и 2.

В большинстве случаев юношу называли «Обрюта» (6 раз), реже — «Федор» (2 раза), еще реже — «Мамалах» (1 раз). Отчество «Михайлов сын» сопровождает прозвище «Обрюта» 3 раза. Отчество (или фамилия?) «Михайлов» поставлено после личного имени «Федор» (1 раз). Выражение «Михайловы дети Грекова», встречающееся 1 раз, не связано напрямую ни с одним личным именем или прозвищем. Фамилия «Греков» употреблена 3 раза после выражения «Обрюта Михайлов сын», 1 раз — после слов «Михайловы дети». Фамилия «Мамалахов» следует за прозвищем «Обрюта» 1 раз.

Прозвище «Обрюта» употребляют царь Иван IV, еврипский митрополит Иоасаф и посольский писец V (последний в уменьшительном варианте — «Обрютка»).

Таблица 1

Документы, в которых упоминаются Федор Обрюта и другие Михайловы дети Грекова

(Принятые сокращения: *Analecta* — *Analecta byzantino-russica* / Ed. W. Regel. Petropoli, 1891; РГМ. Т. 1 — Россия и греческий мир в XVI веке в двух томах / подгот. к печати С. М. Каштанов и Л. В. Столярова при участии Б. Л. Фонкича; отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2004. Т. 1).

№ п.п.	Дата	Документ	Автор	Адресат	РГМ. Т. 1	
					Стр.	№
1	1551 янв.	Послание	Иван IV	конст. патр. Дионисий II	192	72
2	1551 янв.	Послание	Иван IV	иг. Павел Пантел. м-ря	193	74

книга и русская историческая мысль XVI — XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 67–69.

³ Каштанов С. М. Русский ученик... С. 201–214.

⁴ РГМ. Т. 1. С. 192, 193. № 72, 74.

⁵ Каштанов С. М. Русский ученик... С. 203–206.

3	1551 [янв. — мая]	Запись в Пос. кн. № 1	писец (поч. V)		193	73
4	1557 янв.	Послание	Иван IV	конст. патр. Иоасаф II	213	89
5	1557 [мая — сент.]	Послание (перевод)	еврип. митр. Иоасаф	Иван IV	234–235	104
6а	1557 [мая — сент.]	Послание (оригинал)	конст. патр. Иоасаф II	Иван IV	Analecta	
					Р.	№
					74	1
6б	1557 [мая — сент.]	Послание (перевод)	писец (поч. XIII)	Иван IV	РГМ. Т. 1	
					Стр.	№
					233	103
7	1558 сент.	Послание	Иван IV	конст. патр. Иоасаф II	247	113
8	[1561 сент.]	«Память» (перевод)	еврип. митр. Иоасаф	Иван IV	279	132

Таблица 2

**Структура именной части упоминаний
о Федоре Обрюте и других Михайловых детях Грекова**

№ п.п.	Прозвище	Имя	Прозвище	Отчество	Фамилия
1	Обрюта (1)			Михайлов сын (2)	Греков (3)
2	Обрюта (1)			Михайлов сын (2)	Греков (3)
3	Обрютка (1)			Михайлов сын (2)	Греков (3)
4	Обрюта (1)				
5				Михайловы дети (1)	Грековы (2)
6а		κῆρ Θεόδωρον (1)	τὸν Μαμαλάχων (2)		
6б		Федор (1)		Михайлов (2)	Мамалах (3)
7	Обрюта (1)				Мамалахов (2)
8		Федор (1)	Обрюта (2)		

Христианское имя «Федор» используют оба Иоасафа — и патриарх, и митрополит.

Прозвище «Мамалах» встречается только в письме патриарха Иоасафа II 1557 г. и его переводе на русский язык.

Отчество «Михайлов сын» приводится в двух письмах Ивана IV 1551 г. и в записи посольского писца V. Слово «Михайлова» помещено между словами «Федора» и «Мамалаха» в русском переводе грамоты патриарха Иоасафа II 1557 г. В ее греческом оригинале говорится только: «κῆρ Θεόδωρον τὸν Μαμαλάχων». Следовательно, слово «Михайлова» было

вставкой переводчика или посольского писца XIII, видимо, хорошо знавшего, о ком идет речь. Еврипский митрополит Иоасаф упоминает в письме 1557 г. «Михайловых детей Грекова», не называя при этом никого из них по имени.

Фамилия «Греков» следует за отчеством «Михайлов сын» в двух грамотах Ивана IV 1551 г. и в записи писца V, повторявшего формулировки царских грамот. Митрополит Иоасаф, как уже упоминалось выше, связывает фамилию «Греков» с «Михайловыми детьми», принимая, таким образом, предложенный Иваном IV в 1551 г. вариант фамилии Обрюты, подтвержденный, возможно, при личной встрече царя с митрополитом во время визита последнего в Москву в октябре 1556 — феврале 1557 г., хотя именно тогда посланец константинопольского патриарха мог узнать и настоящую фамилию Обрюты, если тот еще не сообщил ее ему в Константинополе.

Фамилию «Мамалахов» употребляет Иван IV в письме патриарху Иоасафу II, написанном в сентябре 1558 г. Если в предыдущем письме патриарху Иоасафу II (января 1557 г.) царь просил вернуть просто «Обрюту», то теперь он требует немедленной присылки «Обрюты Мамалахова». Фамилия «Мамалахов» появилась в царском письме 1558 г. явно под влиянием ответа патриарха Иоасафа II в 1557 г. на первое письмо Ивана Грозного. В своем ответе Иоасаф называет русского ученика не «Обрютой», как именует его царь, а «Федором Мамалахом». Получив это письмо, Иван IV был возмущен не только отказом патриарха отпустить Обрюту, но и переименованием его в «Федора Мамалаха». Тем не менее слово «Мамалах», видимо, произвело на царя большое впечатление. Ничтоже сумняшеся, он добавил к этому слову русский суффикс «ов» и тем самым превратил прозвище в фамилию, сохранив «Обрюту» в качестве его личного имени (rĕnom). Выражению «Федор Мамалах», употребленному в патриаршей грамоте, царь противопоставил конструкцию «Обрюта Мамалахов», подтвердив таким образом свое неприятие имени «Федор» и приверженность прозвищу «Обрюта». Выражение «Обрюта Мамалахов» было тавтологией, ибо состояло из двух одинаковых по значению слов, почти синонимов. В чисто русском варианте оно звучало бы как «Обрюта Обрютов», в чисто греческом — как «Мамалах Мамалахов».

Импульсивная замена одной фамилии на другую свидетельствует о малой достоверности обеих. Но первая в силу ее более частого употребления, по крайней мере в начале переписки царя с Константинополем, производит впечатление если не подлинной, то, во всяком случае, заранее запланированной, выбранной с целью что-то замаскировать, не слишком отступая от правды.

Странно выглядит упорное нежелание царя назвать крестильное имя своего посланца. В отличие от царя оба греческих иерарха предпочитают варварскому прозвищу «Обрюта» или «Мамалах» христианское имя «Федор», которое они ставят всегда на первое место, перед прозвищем (так, «Федор Мамалах» в письме патриарха и «Федор Обрюта» в объясни-

тельной записке митрополита). Подлинное имя своего ученика архиереи узнали, вероятно, от него самого в Константинополе. Имя «Федор» можно уверенно считать настоящим именем Обрюты, официально данным ему при крещении.

Что касается отчества «Михайлов сын», то его употребление в двух письмах Ивана IV 1551 г. и в записи посольского писца V было продолжено в русском переводе патриаршего письма 1557 г., куда посольский писец XIII вставил слово «Михайлова» (между словами «Федора» и «Мамалаха»). В пользу достоверности отчества «Михайлов сын» говорит также то, что митрополит Иоасаф употребляет выражение «Михайловы дети» для обозначения братьев Обрюты.

В «родовой» росписи Грековых, поданной в Разрядный приказ в 1686 г., присутствуют четыре «Федора»: Федор I Иванович (колена VII), Федор II Федорович (колена VIII), Федор III Федорович (колена IX), Федор IV Гордеевич (колена X). Среди них нет ни одного «Михайловича»⁶. Наиболее близок к Обрюте по времени Федор I Иванович Греков. Сведения о нем относятся к 1609/10, 1619, 1624 и 1625 гг., но он не упомянут в каширских писцовых книгах 70-х годов XVI в., где зарегистрировали свои земельно-владельческие права его родные братья — Богдан и Степан Ивановичи, равно как и двоюродные — Василий, Сила и Иван Никитичи. В перечне сыновей Ивана Микулича, содержащемся в «родовой» росписи Грековых, Федор указан последним, из чего можно заключить, что он был самым младшим сыном Ивана Микулича. О том же говорит хронология его деятельности.

Поэтому мы полагаем, что Обрюта «Греков» был ровесником не Федора Ивановича, а его отца — Ивана Микулича. В «Дворовой тетради» 50-х годов XVI в. Иван Микулич и два его брата упомянуты в числе дворовых детей боярских по Кашире: «Иван, да Макар, да Микита Микулины дети Грекова. В полону оба и почернены»⁷. Что значит «оба», если до этого речь шла о трех персонах? Сомнительной фигурой нам представляется Макар. Он не обнаруживается ни в «родовой» росписи Грековых, ни в других документах, кроме «Дворовой тетради». Что касается Ивана и Никиты, то после упоминания в «Дворовой тетради» они вновь появляются в источниках только в начале 70-х годов XVI в. — Никита 30 марта и 6 апреля 1571 г. как дьяк «Поместной избы»⁸, Иван — 23 марта 1572 г. как дьяк «Поместного

⁶ РГМ. Т. 1. С. 372–380. № 14.

⁷ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подгот. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950 (далее — ТКДТ). С. 163.

⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1 (далее — АИ. Т. 1). С. 343. № 180/II; *Шумаков С. А.* Сотницы, грамоты и записи. М., 1904. Вып. 3. С. 160, 168; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Сб. документов / сост. А. В. Антонов, К. В. Баранов. (далее — АСЗ). М., 1997. Т. 1. С. 104. № 132; Описание Грамот коллегии экономии / подгот. А. В. Антонов. М., 2018. Т. 2. К—Р (далее — Описание ГКЭ. Т. 2). С. 363 (РГАДА. ГКЭ. Мещовск.

приказа»⁹ и той же весной как один из дьяков, сопровождавших Ивана IV в походе на Новгород Великий¹⁰. Отсутствие Ивана и Никиты Грековых в Москве было длительным и, вычеркнутые из «Дворовой тетради», они как бы перестали существовать в составе московской элиты.

Правда, в Москве в середине XVI в. был еще один человек, носивший фамилию «Греков». В «Дворовой тетради» среди детей боярских по Москве значится «Иванец (в двух других списках «Иван» — С. К.) Степанов сын Стаматов Греков»¹¹. Видимо, его отец, Степан, принадлежавший к роду Грековых, имел прозвище «Стамат» или «Стомат». Греческое слово «στοματάς» означает «болтун, сплетник». В «родовой» росписи Грековых 1686 г. «Стефан» упоминается как сын «Юрия» и отец «Якова»¹². Последний неизвестен нам по другим источникам, под первым же роспись подразумевает Юрия Мануиловича Старого, т.е. Юрия Траханиота, наличие у которого сына Стефана другими источниками не подтверждается. Неизвестен Стефан и как сын другого Юрия Грека — Юрия Дмитриевича Малого. Имя Ивана Степановича Стаматова Грекова в «Дворовой тетради» сопровождает помета: «Умре». Запись о нем в этом источнике С. Б. Веселовский датирует 1550 г.¹³

Таким образом, в 50-х годах XVI в. в Москве не было никого, кто носил бы фамилию «Греков», при том, что люди греческого происхождения в ней, конечно, оставались (но имели другие фамилии).

Коснемся теперь вопроса о второй «фамилии», присвоенной Обрюте Иваном IV, — Мамалахов. Ее мы встречаем только в источниках XVII в. Так, Иван и Константин Ивановы дети Мамалахова покупают в 1645/46 г. с. Селевково в Вышегородском стане Дмитровского уезда¹⁴. До этого, в январе 1645 г., Иван Иванов сын Мамалахова заложил подьячему Алексею Посникову треть сц. Жукова в Берендееве стане того же уезда¹⁵. К 1656—1677 гг. относится деятельность дьяка Ивана Мамалахова¹⁶. Можно ли

№ 1/7035). С. Б. Веселовский считал, что дьяк Никита Микулич Греков погиб в мае 1571 г. в Москве при пожаре во время набега крымского хана Девлет-Гирея, см.: *Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв.*, 1975 (далее — *Веселовский С. Б. Дьяки*). С. 131; ср.: РГМ. Т. 1. С. 370, примеч. 5.

⁹ АСЗ. Т. 3. С. 351. № 430; ср.: *Веселовский С. Б. Дьяки...* С. 131, примеч. 321.

¹⁰ Разрядная книга 1475—1598 гг. / подгот. текста, вводная ст. и редакция В. И. Буганова. М., 1966 (далее — БРК). С. 242.

¹¹ ТКДТ. С. 126.

¹² РГМ. Т. 1. С. 372 («А у Юрья сынъ Стефанъ»).

¹³ *Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии.* М., 1974. С. 87.

¹⁴ Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626—1657 гг. / под ред. А. В. Антонова, А. Береловича, В. Д. Назарова. М., 2010 (далее — Записные книги). С. 1005.

¹⁵ Там же. С. 1241.

¹⁶ *Веселовский С. Б. Дьяки...* С. 316 (автор сопровождает фамилию дьяка вопросом: «Мономахов?»); *Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625—*

его отождествить с дмитровским землевладельцем Иваном Ивановым сыном Мамалахова? Никакими данными для такого отождествления мы не располагаем. О каких-либо владениях этого дьяка в Дмитровском уезде сведений нет. Известно только, что он имел 92 пчелиных улья в Белгородском уезде на р. Топленке¹⁷, т.е. в совершенно другом регионе. Предполагать наличие генеалогической связи между «Обрютой Мамалаховым» 1558 г. и персонами, носившими фамилию «Мамалахов» в XVII в., можно только при очень большом желании такую связь увидеть.

Еще меньше шансов найти Федора Обрюту Мамалахова XVI в. среди Малаховых, Маматовых или Мономаховых. Пытаясь это сделать, мы искали тех представителей указанных фамилий, которые носили имя «Федор». Федор Малахов упоминается как землевладелец Нижегородского уезда в выписи 1694 г. из межевых книг 1690–1692 гг.¹⁸ Свидетельством о факте существования Федора Маматова в начале XVII в. может служить отчество его сына, казака Михаила Федорова сына Маматова, по которому в 1624 г. была дана поручная запись Троице-Сергиеву монастырю¹⁹. Федор Иванов сын Мономахов фигурирует вместе с отцом Иваном и братом Семеном в их поступной записи 1647 г. патриарху Иосифу на беглую крестьянку²⁰. В выписи 1685 г. из межевых книг 1684/85 г. Федор Мономахов упомянут вместе с братом Петром как землевладелец Бежецкого Верха²¹, что не удивительно, ибо именно в этом уезде концентрировались вотчины всех членов рода Мономаховых в XVI–XVII вв.

Как видим, ни один из найденных Федоров не может быть отождествлен с Федором Обрютой Мамалаховым. Они не соответствуют ему ни по отчеству, ни по эпохе.

По имени, отчеству, хронологии и национальной принадлежности предков с Обрютой совпадает только один известный нам персонаж — Федор Михайлов сын Ласкирев²². Близки они также по возрасту и социальному положению. Ф. М. Ласкирев был дворовым сыном боярским по Москве. Грековы — дворовые дети боярские — один по Москве (Иван

1700). Биографический справочник. М., 2011. С. 338 (фамилия дьяка сопровождается вариантом: «Момолахов»); Описание ГКЭ. Т. 2. С. 833 (РГАДА. ГКЭ. Путивль. № 29/9609).

¹⁷ Демидова Н. Ф. Указ соч. С. 338.

¹⁸ Описание ГКЭ. Т. 2. С. 594 (РГАДА. ГКЭ. Нижний Новгород. № 296/8237).

¹⁹ Алатырский Троицкий мужской монастырь. Документы 1612–1713 годов / сост. В. Д. Кочетков, А. А. Чибис. Ульяновск, 2015. № 43; ср.: Шумаков С. А. Обзор ГКЭ. М., 1899. Вып. 1. С. 94. № 1; Описание Грамот коллегии экономии / подгот. А. В. Антонов. М., 2016. Т. 1 (далее — Описание ГКЭ. Т. 1). С. 10 (РГАДА. ГКЭ. Алатырь. № 35/35).

²⁰ Описание Грамот коллегии экономии / подгот. А. В. Антонов. М., 2020. Т. 3 (далее — Описание ГКЭ. Т. 3). С. 599 (РГАДА. ГКЭ. Юрьев-Польский. № 97/14647).

²¹ Описание ГКЭ. Т. 1. С. 250 (РГАДА. ГКЭ. Бежецк. № 304/1408).

²² ТКДТ. С. 124; Каиштанов С. М. Русский ученик... С. 208–210; ср.: Сиренов А. В. Указ. соч. С. 58, примеч. 112.

Стаматов), другие — по Кашире (Иван, Макар и Никита)²³. Иван IV называет Обрюту Грекова в 1551 и 1557 гг. «своим паробком»²⁴, а в 1558 г. — «своим человеком»²⁵. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» слово «паробок» толкуется как «мальчик-слуга; молодой слуга; молодой член двора феодального владетеля»²⁶. В отличие от слова «паробок» слово «человек» обозначало уже «не мальчика, но мужа». В самом деле, если в 1551 г. Обрюте могло быть не больше 13–15 лет, то к 1558 г. он должен был уже перешагнуть за 20. Имя Федора Ласкирева, как и его младшего брата Василия, написано в «Дворовой тетради» два раза подряд: «Федор да Василей Михайловы дети Ласкирева. Михайло Дмитриев сын Ласкирев. Дети его Федор да Василей»²⁷. В первом случае слово «дети» употреблено как атрибут отчества, во втором — как обозначение младшей возрастной группы в семье. Поскольку ни Федор, ни Василий не названы в этой записи «недорослями», можно думать, что им было не меньше 13 лет, а старшему из них, Федору, могло быть и 15.

Создается впечатление, что в 1551 г. Федор Ласкирев был, как и Федор Обрюта, тинейджером (teen-ager — человек в возрасте от 13 до 19 лет). Почему имена детей Ласкиревых написаны в «Дворовой тетради» раньше имени их отца, после которого, как бы в порядке извинения перед ним, снова названы его дети, те же самые, что и в начале записи? Конечно, такое отступление от общего правила могло быть вызвано какими-то случайными обстоятельствами, но нам представляется, что это выдвигание детей на первый план свидетельствует об особом внимании к ним в связи с поисками среди дворовых детей боярских молодого человека, пригодного для посылки за границу и предрасположенного к изучению греческого языка.

Сама идея происходила, возможно, от митрополита Макария, ратовавшего за развитие школьного образования. Когда встал вопрос о выборе кандидата для учебной командировки в Константинополь или на Афон, взоры царя, естественно, обратились на детей обрусевших греков — членов привилегированного сословия. У них могли быть начатки (=остатки) каких-то знаний греческого языка, а главное, их греческое происхождение должно было вызывать большее доверие и благосклонность к ним со стороны местных «учителей».

В качестве кандидата на роль ученика идеально подошел бы юноша с фамилией «Греков», но таковых в это время в составе Государева двора не оказалось. Иван и Никита Микуличи Грековы попали в плен, а Иван Степанов сын Стоматов Греков умер; Василий Юрьевич Траханиот был

²³ ТКДТ. С. 126, 163.

²⁴ РГМ. Т. 1. С. 192, 193, 213. № 72, 74, 89.

²⁵ Там же. С. 247. № 113.

²⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1988. Вып. 14 (Отрава — Персона). С. 155.

²⁷ ТКДТ. С. 124.

боярином²⁸ и не годился на роль ученика; дети Юрия Дмитриевича Малого — Иван и Захар — видимо, не подходили по возрасту и служебной занятости; кроме того, их фамилия была не «Грековы», а «Малого»²⁹.

Из молодых детей боярских греческого происхождения только Федор и Василий Ласкиревы соответствовали в 1550–1551 гг. роли учеников. Выбор царя остановился на старшем из них — Федоре.

Фамилию «Ласкирев» соблазнительно произвести от древнегреческого глагола *λάσκω* — «кричать», «греть», «петь», «с шумом лопаться»³⁰. Однако слово «Ласкарь» или «Ласкорь», употребляемое в родословных как прозвище «греческого боярина» Федора³¹, приехавшего на Русь осенью 1495 г.³², ближе по звучанию к новогреческому глаголу *λασκάρω* — «ослаблять, опускать (снасти)»³³. Прозвище «Ласкарис», известное с XI в., имеет спорную этимологию. Одни связывают его с персидским *lashkari* («воин»), другие — с греко-каппадокийским *δάσκαρος* («учитель»), третьи — с арабским *ashqar* («красноватый» или «гнедой»).

Несмотря на греческое происхождение фамилии «Ласкирев», царь считал ее неподходящей для своего стажера и законспирировал его под фамилией «Греков», которая характеризовала не индивидуальное происхождение рода, а только его этническую принадлежность. Что же не устраивало царя в фамилии «Ласкирев»? Может быть, он опасался, что она, да еще и в сочетании с именем «Федор», вызовет какие-нибудь нежелательные воспоминания или ассоциации — если не у греков, то у турок; не подведет ли Федора его происхождение от «тысяцкого царьградского» Дмитрия — основателя рода Ласкиревых. Это «скромное» происхождение Ласкиревых, которым ограничивалась фантазия авторов официальных редакций родословных

²⁸ Там же. С. 112.

²⁹ Там же. С. 125.

³⁰ Древнегреческо-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий. М., 1958. Т. 1. А–Л. С. 1013.

³¹ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих..., которая известна под названием Бархатная книга. М., 1787. Ч. 2 (далее — Бархатная книга. Ч. 2). С. 275–276; Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011 (далее — ПИРСС). С. 129.

³² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). СПб., 1901. Т. 12. С. 241; Пгр., 1922. Т. 15, [вып. 2]. 2-е изд. Стб. 502; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 160. В родословцах говорится, что Федор с сыном Дмитрием приехали служить Ивану III «от Матиюша Угорского» (ПИРСС. С. 129). Это надо понимать в том смысле, что до приезда на Русь они служили венгерскому королю Матиашу Хуньяди (1458–1490 гг.), известному на Руси больше под именем Матвея Корвина. К Ивану III Федор с Дмитрием приехали не сразу после смерти короля Матиаша в 1490 г., а только в 1495 г., и не из Венгрии, а из Литвы, где у них, вероятно, завязались отношения с лицами из окружения в. кнг. Елены Ивановны, дочери Ивана III. Она лишь в январе 1495 г. прибыла в Вильну, а ее свадьба с в. кн. Литовским Александром Казимировичем состоялась в феврале того же года. Вскоре после этого Александр стал выживать из своего княжества русских вельмож, оставшихся при Елене. Вот с этими «останочными боярами» (Вас. Вас. Ромодановским и др.) Ласкиревы и явились ко двору Ивана III.

³³ Новогреческо-русский словарь / сост. А. А. Иоаннидис. М., 1961. С. 388.

книг, превращалось под пером авторов неофициальных родословцев в происхождение от самого Константина Великого, якобы завещавшего власть над Византийской империей на случай династического кризиса представителям четырех родов, ведущих свое начало от его братьев: 1) Комита — Мануила (Комнины), 2) Ласкара — Мануила (Ласкиревы), 3) Палеолога — Ивана (Палеологи) и 4) Катакузина — Ивана (Кантакузины)³⁴.

Таким образом, генеалогия делала Федора Михайловича Ласкирева, во-первых, праправнуком «тысяцкого цареградского», во-вторых, претендентом на власть над империей, т.е. потенциальным самозванцем, за что ответственность пришлось бы держать царю и великому князю всея Руси как его вдохновителю и отправителю. Само имя «Федор Ласкирев» практически совпадает с именем двух никейских императоров XIII в. — Феодора I Ласкариса (1204–1222 гг.) и его «братанича» (племянника) Феодора II Ласкариса (1254–1258 гг.). Русский хронограф XVI в. называет того и другого «Феодор Ласкаръ» и уделяет им обоим значительное внимание³⁵. Их имена могли быть известны Ивану IV. Как говорится, «*nomina sunt odiosa*», и царь учитывал это.

Имя «Обрюта Греков» звучало скромно и скорее уничижительно, чем претенциозно. Оно служило надежной маскировкой настоящего имени и настоящей фамилии ученика. Надо полагать, что перед поездкой в Константинополь Обрюта получил строгий наказ не раскрывать свое инкогнито никому, в том числе и, может быть, прежде всего сопровождавшему его купцу Андреяну Халкокандилу, который, будучи греком по национальности, являлся все же «турецко-подданным» и, больше того, дипломатическим представителем султана.

Обрюта покинул Москву в мае 1551 г.³⁶, хотя решение о его поездке было принято в январе того же года. Январем 1551 г. датируются письма Ивана IV в Константинополь³⁷ и на Афон³⁸, содержащие просьбу о принятии Обрюты в ученики. Однако до отъезда Обрюта еще мог оставаться Федором Ласкиревым. Когда же Федор Ласкирев был записан в «Дворовую тетрадь»: до или после мая 1551 г.? Относить эту запись к периоду после мая 1551 г. значит сомневаться в идентичности Федора Обрюты и Федора Ласкирева, относить же ее к какому-то моменту до мая значит рассматривать май 1551 г. как *terminus ante quem* «Дворовой тетради». С. Б. Веселовский, приводя

³⁴ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. М.; СПб., 2007 / репринтное воспроизведение издания 1888 г. (СПб., 1888 г.). С. 397–398.

³⁵ ПСРЛ. Пгр., 1914. Т. 22. С. 183–186.

³⁶ Дата отъезда купца Андреяна Грека, зафиксированная в посольской книге: «И поехал Ондриян с Москвы маяя» (РГМ. Т. 1. С. 190. № 70). Вместе с тем в этой книге есть запись, где сказано: «Да с Ондрияном же царь и великий князь отпустил к цареградскому патриарху к Дионисию учти греческому языку и грамоте Обрютку Михайлова сына Грекова» (Там же. С. 193. № 73).

³⁷ РГМ. Т. 1. С. 192. № 73.

³⁸ Там же. С. 193. № 74.

из «Дворовой тетради» запись об Иване (Иванце) Степановиче Стоматове Грекове, датировал источник 1550 г.³⁹ А. А. Зимин считал, что «Дворовая тетрадь» была составлена «незадолго до декабря 7060 г.», а точнее «в 7059 — начале 7060 г.»⁴⁰, т.е. в период между 1 сентября 1550 г. и 1 декабря 1551 г. Мы полагаем, что «Дворовая тетрадь» появилась либо одновременно, либо сразу после «Тысячной книги», имеющей дату — октябрь 7059 (1550 г.)⁴¹. Отсюда *terminus post quem* «Дворовой тетради» — 1 октября 1550 г. Значит, быть записанным в «Дворовую тетрадь» до отъезда в Константинополь Федор Ласкирев мог в промежутке времени между 1 октября 1550 г. и 1 мая 1551 г.

Обрюты не было в Москве 10 лет — с мая 1551 г. по сентябрь 1561 г. Никаких свидетельств о деятельности в это время Федора Михайловича Ласкирева в источниках не обнаруживается, что может служить одним из доказательств идентичности Обрюты и Федора Ласкирева. В 1561 г. они оба снова оказались в Москве. Большую часть 1561 г. Обрюта провел в пути. Он сопровождал еврипского митрополита Иоасафа, который вез грамоты царю от патриарха Иоасафа II. В мае путешественники добрались до Львова⁴², потом направились в Вильну, откуда пошли в Смоленск⁴³ и к началу сентября были в Вязьме, где по приказу царя митрополита Иоасафа задержали, и он послал в Москву Федора Обрюту с поручением известить об этом митрополита Макария⁴⁴ и, вероятно, попросить его заступничества перед царем. Поручение Иоасафа Обрюта, видимо, выполнил, ибо ситуация разрешилась довольно быстро.

Задержка митрополита Иоасафа в Вязьме произошла вследствие получения Иваном IV письма от смоленского епископа Семиона, сообщавшего, что по слухам (достоверность которых подтвердилась ответом самого Иоасафа на вопрос Семиона) еврипский митрополит, будучи в Литве, целовал крест польскому королю. Запись в посольской книге о получении этого письма датируется сентябрем 1561 г.: «И лета 7070-го, сентября. Писал ко царю и великому князю из Смоленска богомолец его Семион епископъ...»⁴⁵. «И сентября же Иасаф, митрополит Евгрипский, к Москве приехал, а был у царя и великого князя того же месяца 17 день»⁴⁶. Значит, задержка митрополита Иоасафа в Вязьме могла длиться максимум две недели.

Если Иоасаф приехал в Москву 15–16 сентября, то Федор Обрюта мог

³⁹ Веселовский С. Б. Ономастикон. С. 87.

⁴⁰ ТКДТ. С. 17.

⁴¹ Там же. С. 53.

⁴² Каишанов С. М. Источники о взаимоотношениях между Россией и греческим православным миром в XVI веке // Археографический ежегодник за 2012 год. М., 2016. С. 42.

⁴³ РГМ. Т. 1. С. 264. № 125.

⁴⁴ Там же. С. 279. № 132.

⁴⁵ Там же. С. 263. № 125.

⁴⁶ Там же. С. 264. № 126.

оказаться здесь уже 5–6 сентября.

В своей объяснительной записке, составленной около 17–20 сентября, Иоасаф писал, что не знает, выполнил ли «толмач» (т.е. Обрюта) его поручение⁴⁷. Отсюда следует, что они больше не виделись, и Обрюта начал новую жизнь в Москве. С этого момента Федор Мамалах, alias Федор Обрюта, alias Обрюта Мамалахов, alias Обрюта Михайлов сын Грекова, навсегда исчезает из источников.

Между тем Федора Михайловича Ласкирева в 1561 г. в Москве ожидали большие неприятности. 24 марта 1561 г., когда Обрюта был еще в пути, некий Посник Семенов сын Соловцова, дворовый сын боярский по Ростову, подал царю челобитную с жалобой на Федора и Василия Ласкиревых, которые «не дадут» ему выкупить у них сц. Глебовское. Речь шла о сц. Старом Глебовском с деревнями и угодьями в Кривцове стане Юрьев-Польского уезда. Это владение купил в 1531/32 г. Дмитрий Федорович Ласкирев, дед Федора и Василия, «себе и своим детем в водчину и впрок без выкупа». Продавцами были Григорий, Александр, Андрей и Борис Михайловы дети Огарева. Посник Соловцов претендовал на сц. Глебовское как сын Марии Михайловой дочери Огарева, родной сестры продавцов этого села, т.е. как их племянник (сестричич)⁴⁸.

Выражение купчей Д. Ф. Ласкирева «себе и своим детем...впрок без выкупа» было традиционной формулой, встречающейся в большинстве купчих грамот светских лиц в первой половине XVI в.⁴⁹ Ее юридическое значение несколько усиливалось вставкой после «детем» слов «в водчину». Реальность, стоявшая за словами «детем», заключалась в том, что у Д. Ф. Ласкирева было два сына — Михаил и Василий (I). Михаил являлся отцом четверых детей — Федора (II), Василия (II), Ивана и Якова (см. таблицу 3). Их дядя Василий (I) умер бездетным. Поэтому в случае смерти Михаила наследственными владельцами сц. Старого Глебовского становились Федор и его братья.

Таблица 3

Род Ласкиревых (колена I–VI)

№ п.п.	Имя	Колено	№ отца
1	Дмитрий (I)	I	
2	Федор (I) Ласкарь	II	1

⁴⁷ Там же. С. 279. № 132.

⁴⁸ РГАДА. ГКЭ. Юрьев-Польский. № 8/14588; *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот коллегии экономии» (далее — *Шумаков С. А.* Обзор ГКЭ). М., 2002. Вып. 5. С. 85–86. № 228; Описание ГКЭ. Т. 3. С. 577.

⁴⁹ См., напр.: Акты Русского государства 1505–1526 гг. / сост. С. Б. Веселовский; доп. и подгот. к печати Р. В. Бахтурина, И. А. Булыгин, Л. И. Ивина, С. М. Каштанов, Л. З. Мильготина, В. Д. Назаров, Л. А. Никитина. М., 1975 (далее — АРГ). С. 10, 25, 34, 41, 51, 69, 148, 153, 157, 159, 226, 269, 286, 287. № 4, 17, 28, 35, 45, 62, 154, 159, 162, 165, 223, 266, 285, 287.

3	Дмитрий (II)	III	2
4	Михаил (I)	IV	3
5	Василий (I)	IV	3
6	Федор (II)	V	4
7	Василий (II)	V	4
8	Иван (I)	V	4
9	Яков (I)	V	4
10	Никита (I)	VI	8

В «Дворовой тетради» запись о Ласкиревых заканчивается короткой вставкой: «Михайло 65-го умре»⁵⁰. В переводе на эру от Р. Х. 7065 г. соответствует промежутку между 1 сентября 1556 г. и 31 августа 1557 г. Возможно, уже тогда у Посника Соловцова как племянника бывших владельцев сщ. Старого Глебовского возникла мысль оспорить права на него у детей Михаила Ласкирева. Выступление с этой претензией в 1561 г. было явно не первой попыткой Соловцова добиться выкупа сщ. Глебовского. Ведь еще до 1561 г. он получил отказ Ласкиревых от выкупа, в чем и обвинял их в своей челобитной 1561 г.

Скорее всего, агрессия Соловцова выразилась с самого начала, как и в 1561 г., в подаче челобитной на имя царя, после чего, возможно, началось судебное рассмотрение дела, в ходе которого ответчики отвергли притязания истца. Ответчиков в тот момент мог представлять только Василий Ласкирев, поскольку его старший брат Федор Обрюта Греков (=Ласкирев) находился в Константинополе. Царь, проявлявший интерес к судьбе «своего паробка Обрюты», не мог не взять это дело под свой контроль. Может быть, по его указанию процесс был приостановлен под предлогом отсутствия главного ответчика — Ф. М. Ласкирева, которого царь решил вызвать в Москву, чтобы дать ему шанс отстоять свои права на вотчину деда и отца. В январе 1557 г. Иван IV пишет письмо константинопольскому патриарху Иоасафу II. В нем он, в частности, просит патриарха отправить Обрюту в Москву с архимандритом Феодоритом, царским послом⁵¹.

Архимандрит Феодорит, вернувшийся из Константинополя в Москву 2 декабря 1557 г.⁵², привез Ивану IV три письма: два от патриарха Иоасафа II⁵³, в одном из которых содержится отказ послать Обрюту в Москву в качестве спутника Феодорита⁵⁴, третье — от еврипского митрополита Иоасафа с просьбой оказать милость и поддержку «Михайловым детям Грекова»⁵⁵. Просьба митрополита Иоасафа позволяет думать, что

⁵⁰ ТКДТ. С. 124.

⁵¹ РГМ. Т. 1. С. 213. № 89.

⁵² Там же. С. 228. № 101.

⁵³ Там же. С. 228–233. № 102, 103.

⁵⁴ Там же. С. 233. № 103.

⁵⁵ Там же. С. 234–235. № 104.

он знал о смерти отца Обрюты и о судебном иске, направленном против Обрюты и его братьев. Эту информацию митрополит мог получить в Москве, где он находился с октября 1556 г. по февраль 1557 г., или на пути из Москвы в Константинополь во время общения с сопровождавшими его посланцами царя — архимандритом Феодоритом и Матвеем Волковым. Обратиться к царю с просьбой о помощи «Михайловым детям Грекова» митрополита Иоасафа побудила, вероятно, беседа с Обрютой, которую он наверняка имел по возвращении из Москвы в 1557 г. Надо думать, что «верный раб» царя, как назвал Федора Мамалаха в своем письме 1557 г. патриарх Иоасаф II, был удручен новостями из Москвы. Может быть, он даже просил митрополита заступиться за его братьев перед царем.

Отсутствие Обрюты в Москве тормозило ход судебного расследования по иску Посника Соловцова. В письме, написанном в сентябре 1558 г. и полученном патриархом в 1559 г., царь с еще большей, чем в 1557 г., настойчивостью требовал немедленно отпустить Обрюту в Москву⁵⁶. Но патриарх затянул отъезд русского стажера и отпустил его с митрополитом Иоасафом только в декабре 1560 г., после окончания церковного собора, утвердившего «уложенную» грамоту о царском титуле Ивана Грозного.

Царь и патриарх как бы играли друг с другом в прятки с завязанными глазами. Царь не объяснял патриарху, зачем ему так срочно нужен Обрюта, а патриарх не объяснял царю, зачем Обрюта нужен ему, и делал это в стиле ученого-перфексьониста, стремящегося к совершенству (Обрюте, мол, неплохо бы еще улучшить свои знания). На самом же деле патриарх заботился не только о совершенствовании Обрюты в греческом, но и о том, чтобы использовать его знание русского языка и литературы при подготовке текста «уложенной» соборной грамоты о царском титуле Ивана Грозного, т.е. патриарх скрывал от царя, что действует в его же интересах, а царь, оказывается, об этом и не догадывался. С одной стороны, он торопил патриарха с организацией собора для принятия грамоты о царском титуле, а с другой стороны, требовал немедленно вернуть Обрюту, хотя тот был нужен патриарху именно для выработки текста этой грамоты. Патриарх не случайно не отпускал Обрюту до тех пор, пока не состоялся собор, принявший и утвердивший подписями иерархов константинопольской церкви грамоту о царском титуле Ивана Грозного.

О вероятном, хотя и точно не доказанном участии Обрюты в составлении текста соборной грамоты 1560 г. в науке заговорили после сенсационной находки профессора Санто Лука, который обнаружил в 80-х годах XX в. в римской библиотеке *Velllicelliana* не попавший в ее печатный каталог 1902 г. рукописный кодекс XVI в. на греческом языке (*Vellig. R100*) с записью о принадлежности его Федору Мамалаху из Москвы (л. 250). Сборник содержал девять текстов, представленных в нем как поучения великого князя Василия [III] сыну Иоанну⁵⁷.

⁵⁶ Там же. С. 247. № 113.

⁵⁷ *Де-Микелис Ч. Дж.* Указ. соч. С. 231–235.

Покидая Константинополь в конце 1560 или в начале 1561 г., Обрюта оставил здесь сборник своих переводов, вероятно, считая, что в Москве он ему не понадобится. Сам ли он передал кодекс кому-то на хранение, или его «попросили» не брать с собой эту рукопись? Была ли надпись о принадлежности сборника к числу книг Федора Мамалаха его автографом или она появилась под пером другого лица, занимавшегося разборкой и описанием наследства уехавшего русского «стажера»? Имя «Федор Мамалах», приведенное в этой записи, совпадает с определением Обрюты в послании 1557 г. патриарха Иоасафа II царю Ивану IV⁵⁸. В ответном послании 1558 г. царя патриарху прозвище «Мамалах», употребленное в патриаршей грамоте, отразилось как в кривом зеркале, приняв форму фамилии — «Мамалахов»⁵⁹. А. В. Сиренов считает ее подлинной фамилией Обрюты, поскольку «Обрюту называет Мамалаховым сам Грозный»⁶⁰. Эта заслуга Грозного перед русской ономастикой, конечно, велика, только «Мамалахов» залетел в его письмо 1558 г. как бы рикошетом из письма патриарха Иоасафа II 1557 г., где речь идет о «Федоре Мамалахе». Почему-то «сам Грозный» до получения этого письма фамилией «Мамалахов» не пользовался, называя «своего паробка» то Обрютой Грековым (1551 г.), то просто Обрютой (1557 г.).

Прозвище «Мамалах» было не фамилией, а греческим эквивалентом прозвища «Обрюта». «Федор Мамалах» — официальное определение личности Обрюты Грекова, принятое патриархом и употреблявшееся в Константинополе, но не в России. Ни в «Тысячной книге» или «Дворовой тетради», ни в разрядных книгах, ни в боярских списках последней четверти XVI — начала XVII в. ни одного Мамалахова (Момалахова) нет. Нет людей с такой фамилией также в актах, писцовых книгах и других источниках XVI в.

Что касается «рода Мамалаховых» в XVII в., то он, по мнению А. В. Сиренова, мог происходить именно от Обрюты Мамалахова, оставившего «после себя жизнеспособное потомство»⁶¹. Хотелось бы знать хотя бы один факт, подтверждающий это смелое предположение.

Находка сборника Федора Мамалаха способствовала переосмыслению роли Обрюты в истории русско-греческих отношений. В нем стали видеть проводника политики Ивана Грозного, что верно лишь отчасти.

К моменту возвращения Обрюты в Москву отношение к нему царя было другим, чем в 1551 г. Его сближение с митрополитом Иоасафом не пошло ему на пользу. Митрополит Иоасаф был дважды скомпрометирован в глазах Ивана IV. Вернувшиеся из Константинополя в декабре 1557 г. архимандрит Феодорит и купец Матвей Волков обвиняли митрополита Иоасафа в том, что он утаил от патриарха часть посланной ему из Москвы

⁵⁸ РГМ. Т. 1. С. 233. № 103.

⁵⁹ Там же. С. 247. № 113.

⁶⁰ Сиренов А. В. Указ. соч. С. 68, примеч. 112.

⁶¹ Там же.

«милостыни»⁶². Кроме того, Феодорит утверждал, что святые реликвии, привезенные митрополитом Иоасафом из Константинополя в Москву в 1556 г., являются подделкой⁶³.

Зная о существовании против него столь тяжких обвинений, митрополит Иоасаф всячески противился желанию патриарха послать его в Москву, хотя и считал для себя делом чести привезти царю грамоту о царском титуле, получение которой он гарантировал ему при первом своем визите в Москву⁶⁴. Неизвестно, по просьбе ли митрополита, или по собственному побуждению патриарх решил написать Ивану IV особое послание о митрополите Иоасафе как честнейшем и достойнейшем церковном иерархе, способствовавшем, в частности, тому, что собор утвердил грамоту о царском титуле Ивана IV. Исходившее от Феодорита обвинение митрополита Иоасафа в нечестности и фальсификации святых реликвий патриарх квалифицировал как ложь и клевету⁶⁵. Он, видимо, забыл, что в своем письме, посланном в 1557 г. в Москву с Феодоритом, сам призывал царя верить всему, что Феодорит расскажет о делах в Константинополе⁶⁶.

В одном из писем царю декабря 1560 г. патриарх признается, что только под его давлением и в порядке выполнения его приказа митрополит двинулся в путь: «... и не хотя он идти, мы же понудили его и упросихом послати к тебе, царю, толико и таковое послушание сотворил нашего повеленья»⁶⁷. Имея при себе реабилитационную грамоту патриарха, митрополит был все равно не уверен в своей безопасности.

В Москве митрополита Иоасафа ждало не очищение от старых грехов, а новое, еще более страшное обвинение — почти в государственной измене, хотя он и не был подданным Русского государства. На этот раз, как уже отмечалось выше, в роли обвинителя выступил смоленский епископ Семион, сообщивший царю, что, по слухам, достоверность которых якобы подтвердил при встрече с ним в Смоленске митрополит Иоасаф сам, он, проезжая через Литву по дороге в Москву, целовал крест в Вильне польскому королю Сигизмунду II Августу⁶⁸. У прибывшего в Москву в сентябре 1561 г. митрополита Иван IV потребовал письменного объяснения своего

⁶² *Analecta byzantino-russica* / Ed. W. Regel. Petropoli, 1891. P. 84. № 4; *Каштанов С. М.* О взаимоотношениях правительства Ивана IV с Константинопольским патриархатом в 1557–1561 гг. // *Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.* Сб. научных трудов. Новосибирск, 2005. С. 22, примеч. 11–12.

⁶³ *Analecta byzantino-russica*. P. 84. № 4; *Каштанов С. М.* О взаимоотношениях правительства Ивана IV.. С. 25, примеч. 26–28.

⁶⁴ РГМ. Т. 1. С. 272. № 129.

⁶⁵ *Analecta byzantino-russica*. P. 83–85; *Каштанов С. М.* О взаимоотношениях правительства Ивана IV.. С. 22.

⁶⁶ РГМ. Т. 1. С. 230. № 102.

⁶⁷ Там же. С. 272. № 129.

⁶⁸ Там же. С. 263–264. № 125.

поведения в Литве⁶⁹. В объяснительной записке, представленной царю, Иоасаф, подробно описывая свои переговоры с панами-радой, отрицал факт крестоцелования⁷⁰. Однако его рассказ, видимо, не убедил царя, и он в течение трех лет не выпускал митрополита Иоасафа из страны. Только в сентябре 1564 г. ему было разрешено уехать⁷¹.

Отношение царя к митрополиту Иоасафу не могло не повлиять на его отношение к Обрюте, который за время своего пребывания в Константинополе стал близким к митрополиту человеком, его учеником и протеже, а за время пути в Москву еще и товарищем по несчастью, явившимся в столицу Русского государства в роли ходатая за своего прощтрафившегося шефа. Из «своего паробка» и «своего человека» Обрюта превратился в глазах подозрительного царя в «человека» митрополита Иоасафа, и этому человеку, а, тем более, его братьям, «Михайловым детям Грекова», Иван IV уже больше не был расположен оказывать «милость», о чем его просил в 1557 г. все тот же «изменник», митрополит Иоасаф⁷².

Сразу же по приезде в Москву Обрюта попал, «как Чацкий, с корабля на бал», т. е. на судебный процесс по делу о владении сельцом Старым Глебовским.

Запись об этом процессе была начата на обороте купчей Д. Ф. Ласкирева 1531/32 г. и продолжена на дополнительном листе, приклеенном с оборота купчей к ее нижнему краю⁷³. Водяной знак приклеенного листа — сфера, характерный для французской бумаги конца 50-х годов и русских рукописей начала 60-х годов XVI в.

Текст записи начинается с даты: «Лета 7069, марта в 24 день...». Далее говорится: «... царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси бил челом Посник Семенов сын Соловцова на Федора да на Василья Михайловых детей Ласкирева...». Думаем, что дата в данном контексте обозначает время подачи челобитной, а не время производства самой записи.

Развитие событий излагается в записи конспективно. Сколько времени прошло между подачей челобитной и решением царя поручить рассмотрение дела судебной комиссии под председательством кн. И. Д. Бельского, неизвестно. Очная ставка Федора и Василия Ласкиревых с Посником Соловцовым не могла произойти ранее сентября 1561 г., поскольку только тогда Федор Обрюта сумел добраться до Москвы. На очной ставке Ласкиревы положили перед судьями купчую грамоту своего деда, которую до возвращения Федора из Константинополя младшие братья, видимо, не могли отыскать.

Появление на суде купчей Д. Ф. Ласкирева пресекло попытки

⁶⁹ Там же. С. 264. № 126.

⁷⁰ Митрополит писал: «... и яз ни клятвою клялся, ни кресть есми целовал имь на том» (Там же. С. 279. № 132).

⁷¹ Там же. С. 281. № 134.

⁷² Там же. С. 234–235. № 104.

⁷³ См. выше, примеч. 48.

Соловцова представить Ласкиревых владельцами без каких-либо прав на объект владения. У него остался только один козырь — родство по матери с продавцами сц. Старого Глебовского — братьями Огаревыми, у которых Д. Ф. Ласкирев купил это село. Свидетели сторон и сами Ласкиревы подтвердили, что мать Посника Соловцова, Мария Михайлова дочь Огарева, действительно является родной сестрой Григория, Александра, Андрея и Бориса Михайловых детей Огарева, продавших сц. Старое Глебовское Д. Ф. Ласкиреву.

Царь, видимо, счел существование такого родства достаточным основанием для вынесения приговора в пользу Посника Соловцова: он «велел тое вотчину.. Поснику.. у Федора да у Василья у Ласкиревых выкупити». Далее в записи отмечено, что выкупные деньги в размере 555 руб. были у Посника «взяты все сполна и отданы Федору и Василью». Эта сумма равнялась копейка в копейку той, которую Д. Ф. Ласкирев потратил в 1531/32 г. на покупку сц. Старого Глебовского, отдав за него Огаревым «полшестаста» (550) руб. и в качестве пополонка «шубу кунью» стоимостью в 5 руб.

Царь, мало того, что «велел» Поснику Соловцову выкупить у Ласкиревых сц. Старое Глебовское, он еще и пожаловал его ему в вотчину, назвав, кстати, «матери его вотчиною»: «И велел царь.. Поснику.. матери его вотчиною владети, ему и его детям впрок, со всеми угоды, как в сей купчей писано».

Таким образом, купчая Д. Ф. Ласкирева 1531/32 г. вместе с выкупной записью 1561 г. образовали как бы новый документ — купчую Посника Соловцова у Федора и Василия Ласкиревых. Со стороны Ласкиревых это была «вымученная», недобровольная купчая.

Поэтому Ласкиревы, хотя и заявили на суде о «чистоте» своей вотчины от обязательств третьим лицам, сами никакой очищальной записи на новой купчей—выкупной не сделали. На обороте выкупной записи, являющемся вместе с тем продолжением лицевой стороны купчей 1531/32 г., Юрий Федоров сын Манасеина расписался в том, что ему, его жене и детям до той вотчины дела нет. Это заявление подтверждалось автографом его сына Андрея, расписавшегося за себя и за своего брата Ивана. В «Дворовой тетради» Манасеины (Манасеины), расписавшиеся на выкупной 1561 г., записаны как дворовые дети боярские по Юрьеву-Польскому⁷⁴. Иван Юрьев сын Манасеина владел землями в Кузьмине стане Юрьев-Польского уезда в 70-х годах XVI в⁷⁵. Какое отношение могли иметь Манасеины к сельцу Старому Глебовскому в Кривцове стане Юрьев-Польского уезда, неясно. Возможно, кто-то из них был в родстве или свойстве с Ласкиревыми или Огаревыми.

Выкупная, или, вернее, приговорная, запись 1561 г. была удостоверена дьяком Ляпуном Ковезиным, причем дважды: 1) в корроборации на лицевой

⁷⁴ ТКДТ. С. 152 («Юрь Федоров сын Манасеин. Дети его Иванец да Андрюшка. Юрья у царицы»).

⁷⁵ Описание ГКЭ. Т. 3. С. 579, 580 (РГАДА. Юрьев Польский. № 23/14573, 32/14582).

стороне («А подписал царя и великого князя дьяк Ляпун Григорьев сын Ковезин») и 2) в subscriptio на обороте («Дьяк Олександр Ляпун Ковезин»).

Запись 1561 г. — самый поздний документ из тех, где фигурирует дьяк Ляпун Ковезин. В то же время это первый и единственный документ, в котором упоминаются как крестильное имя, так и отчество Ляпуна Ковезина — Александр Ляпун Григорьев сын Ковезина. У Веселовского он назван Леонтием. Это чтение заимствовано из пометы — подписи на купчей грамоте 1515/16 г. Ивана Андр. Колычева на село Некиматово в Каневской волости Коломенского уезда⁷⁶, выкупленное в 1554/55 г. племянником продавца⁷⁷. Помета-подпись выглядит так: «Леонтеи», затем другим почерком написано: «Дьяк Ляпун Ковезин»⁷⁸. По существу это две разные пометы. Имя дьяка никогда не писалось перед словом «дьяк». К тому же, как правильно замечено в примечании издателей к тексту грамоты 1515/16 г., подпись Ляпуна Ковезина появилась здесь в связи с выкупом села в 1554/55 г. Между тем подпись «Леонтеи» могла быть сделана задолго до (или, наоборот, вскоре после) подписи Ляпуна Ковезина. Кто был этот «Леонтеи», неизвестно.

Еще одна загадочная личность — «Федор Ляпун Ковезин» — фигурирует в «Дворовой тетради» в составе 64 «дьяков больших»⁷⁹. В других источниках «Федор Ляпун» не встречается. Полагаем, что под именем Федора в «Дворовой тетради» упомянут все тот же Александр Ляпун Григорьев сын Ковезин.

Указанное в записи 1561 г. отчество Ляпуна Ковезина — «Григорьев сын» — позволяет думать, что он был братом подьячего Дмитрия (или «Мишки» = «Митьки») Григорьева сына Ковезина, который в августе — сентябре 1543 г. встречал и снабжал кормом польского гонца Томаса⁸⁰.

Деятельность Ляпуна Ковезина приходится на время правления «Избранной Рады». В октябре 1550 г. он — дворцовый дьяк⁸¹; в 1550/51 г. — в числе «дьяков больших» (назван Федором)⁸²; в 1554/55 г. — дьяк, удостоверяющий родовой выкуп вотчины в Коломенском уезде⁸³; в 1555/56 г. — дьяк, составитель писцовой книги Стародуб-Ряполовского уезда⁸⁴; в 1556/57 г. —

⁷⁶ ОР РГБ. Ф. 303. № 255 (АРГ. Т. 1. С. 124. № 125).

⁷⁷ ОР РГБ. Ф. 303. № 345; РГАДА. ГКЭ. Коломна. № 57/6367. Л. 55–56. Гл. 18 (Описание ГКЭ. Т. 2. С. 252).

⁷⁸ АРГ. Т. 1. С. 124. № 125, примеч. 4.

⁷⁹ ТКДТ. С. 116.

⁸⁰ Сборник имп. Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). СПб., 1887. Т. 59. Стб. 214, 218; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки... С. 53; *Веселовский С. Б.* Дьяки... С. 245.

⁸¹ *Лихачев Н. П.* Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб., 1894. С. 57; *Веселовский С. Б.* Дьяки... С. 245.

⁸² ТКДТ. С. 116.

⁸³ См. выше, примеч. 76–77.

⁸⁴ Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начала

в числе дьяков, оставленных в Москве при князе Юрии Васильевиче на время отбытия царя в поход против крымского хана⁸⁵; в январе 1560 г. — дьяк, подписывает указную грамоту оружничего Л. А. Салтыкова в дворцовое село Вологодского уезда⁸⁶; в 1561 г. — дьяк, удостоверяющий выкупную запись на село в Юрьев-Польском уезде⁸⁷. Все эти службы свидетельствуют о том, что Ляпун Ковезин пользовался доверием руководителей «Избранной Рады». Он дважды участвовал в оформлении выкупных операций, которым правительство придавало, как кажется, большое значение.

Проблеме родового выкупа была посвящена статья 85 Судебника 1550 г. Эта статья принадлежит к числу «новелл» Судебника 1550 г. Она не восходит ни к одной из статей предшествующего Судебника 1497 г. Познакомиться с ней нам необходимо для того, чтобы представить себе степень «объективности» Ивана Грозного при вынесении приговора по делу Соловцова и Ласкиревых. Б. А. Романов предлагал рассматривать текст статьи 85 по «фразам», каждая из которых выражает определенную правовую норму. Таких «фраз» в статье 85 он насчитал девять⁸⁸. Принимая в принципе то деление текста статьи 85, которое предложил Б. А. Романов, назовем выделенные им «фразы» параграфами.

Основные принципы родового выкупа устанавливались в первых четырех параграфах. § 1 гласит: «Кто вотчину продаст, и детям его и внучатом до тое вотчины дела нет, и не выкупити ее им; а братья будут или племянники в тех купчих в послусах, и им и их детям по тому ж до тое вотчины дела нет и внучатом»⁸⁹.

Таким образом, выкуп вотчины запрещался безусловно потомкам продавца по прямой линии (дети, внуки) и родственникам по боковой линии (братья, племянники), если они участвовали в продаже земли в качестве послухов. Второй параграф статьи 85 был как бы оборотной стороной первого. Он определял круг лиц, кому родовой выкуп был не запрещен, а разрешен: «А не будет братья в послусах или племянников, и братья или сестры и племянники ту вотчину выкупят»⁹⁰. Значит, выкуп разрешался братьям, сестрам и племянникам продавца, если они не выступали послухами при продаже вотчины.

Еще одно условие выкупа было сформулировано в § 4 статьи 85 Судебника

XVII в. / изд. подгот. Т. Н. Алексинская, К. В. Баранов, А. В. Маштафаров, В. Д. Назаров, Ю. Д. Рыков. М., 1998. С. 149, 151. № 60, 61.

⁸⁵ БРК. С. 163.

⁸⁶ Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Пгр., 1915. Т. 32 (Архив П. М. Строева. Т. 1). Стб. 435. № 211.

⁸⁷ См. выше, примеч. 48.

⁸⁸ Судебники XV–XVI веков / подгот. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина; комментарии А. И. Копанева, Б. А. Романова и Л. В. Черепнина; под общ. ред. академика Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952. С. 301–319.

⁸⁹ Там же. С. 171.

⁹⁰ Там же.

1550 г.: «А судити о вотчине за сорок лет; а дале сорока лет вочьичем до вотчины дела нет». Это означало, что выкуп разрешается только в течение 40 лет с момента продажи выкупаемого объекта в чужой род.

Насколько соответствовали статье 85 Судебника 1550 г. выкупные операции 1554/55 и 1561 гг., удостоверенные дьяком Ляпуном Ковезиным? Каждую из этих историй, начатых с покупки и окончившихся выкупом объекта, можно рассматривать как единый процесс в двух действиях, разделенных антрактом. Обе операции совершались по одной общей для них схеме: $P_1 - K_1 - P_2 - K_2$, где P_1 — продавец № 1, исходный (первый) собственник объекта; K_1 — купец № 1, второй собственник того же объекта; P_2 — продавец № 2, наследник K_1 по прямой линии (сын или внук); K_2 — купец № 2, наследник P_1 по боковой линии (племянник).

Объект купли — выкупа в 1515–1555 гг.: с. Некиматово Коломенского уезда. Действие I: P_1 — Семен Злобин сын Воряпаева; K_1 — Иван Андреевич Колычев; дата — 7024 (1515/16) г.; действие II: P_2 — Гаврила Иванов сын Колычева, прямой наследник (сын) K_1 ; K_2 — Василий Третьяков сын Дурова, боковой наследник (племянник) P_1 ; дата — 7063 (1554/55) г.; срок давности: $7063 - 7024 = 39$ лет.

Объект купли — выкупа в 1531–1561 гг.: сц. Старое Глебовское Юрьев-Польского уезда. Действие I: P_1 — Григорий, Александр, Андрей, Борис Михайловы дети Огарева; K_1 — Дмитрий Федорович Ласкирев; дата — 7040 (1531/32) г. Действие II: P_2 — Федор и Василий Михайловы дети Ласкирева, прямые наследники (внуки) K_1 ; K_2 — Посник Семенов сын Соловцова, боковой наследник (племянник) P_1 ; дата — 7069 (1561) г.; срок давности: $7069 - 7040 = 29$ лет.

В обоих случаях выкупщиком (K_2) являлся племянник исходного владельца (P_1), к роду которого он относился лишь наполовину, будучи прежде всего представителем рода своего отца, чью фамилию он носил (Дуров, Соловцов). Таким образом, обмен происходил не между двумя, а между тремя родами, и земля от первых двух переходила к третьему, новому для всей операции контрагенту. В интересах представителей новых родов, можно сказать, нуворишей, ст. 85 и была придумана. Однако ее главная цель состояла в том, чтобы объект владения не оставался надолго в руках одного рода, укрепляя властные позиции последнего в том или ином регионе.

Обе рассмотренные выше сделки полностью соответствовали правилам выкупа, закрепленным в § 1, 2 и 4 статьи 85 Судебника: срок давности в обеих не превосходил 40 лет, хотя в коломенском случае был близок к предельному; выкупщики не «запятнали себя» послушеством в предшествующих купчих $K_1 - P_1$ на объект выкупа. Можно было бы подумать, что Иван IV, вынося приговор в пользу Посника Соловцова, действовал строго по закону, «sine ira et studio».

Однако закон и есть закон для того, чтобы быть казуистическим. До сих пор мы ничего не говорили о § 3 ст. 85, расположенном

между § 2 и 4. Сформулирован он довольно запутанно: «А станет тот купец ту вотчину продавати, и тем продавцом вотчина у них купити полюбовно, как ему тот продавец ту вотчину продаст; а не полюбовно ему вотчины не выкупити»⁹¹. Кто подразумевается под «тем купцом», который будет вотчину продавать, т.е. станет уже не купцом, а продавцом? Это, безусловно, P_2 . Купцом он назван как alter ego K_1 , от которого к нему перешел продаваемый им теперь объект. Кто такие «продавцы», которые будут у этого «купца» покупать вотчину полюбовно? На сей раз под продавцами подразумевается K_2 , являющийся alter ego P_1 , исходного владельца выкупаемого K_2 объекта. Смысл параграфа в общем-то ясно выражен в его последней части: «а не полюбовно ему вотчины не выкупити». Другими словами, K_2 может выкупить вотчину у P_2 только с согласия последнего.

Приведем текст этого параграфа еще раз, снабдив упоминания фигурирующих в нем персонажей условными обозначениями их роли в операции купли — выкупа: «А станет тот *купец* ($P_2 = K_1$) ту вотчину продавати, и тем *продавцом* ($K_2 = P_1$) вотчины у них купити полюбовно, как ему тот *продавец* (P_2) ту вотчину продаст, а не полюбовно *ему* (K_2) вотчины не выкупить».

Выкуп в 1554/55 г. у Колычевых с. Некиматова был действием «полюбовным», ненасильственным; выкуп же в 1561 г. у Ласкиревых сц. Старого Глебовского был действием насильственным, «неполюбовным».

Разница характера выкупов обусловила различия в их документальном оформлении. «Полюбовная» сделка между В. Дуровым и Г. Колычевым получила оформление в двух частных актах: 1) купчей грамоте В. Дурова у Г. Колычева⁹²; 2) очищальной записи Г. Колычева В. Дурову⁹³.

У Ласкиревых дело ограничилось одним новым документом, причем не частного, а публично-правового характера — приговорной записью. Вместо купчей (продажной) от их лица или купчей у них от лица Посника Соловцова в дело пошла в качестве заместителя или эрзац-купчей старая купчая Д. Ф. Ласкирева 1531/32 г. с присоединенной к ней приговорной записью, подписанной дьяком Ляпуном Ковезиным. В общем купчая Д. Ф. Ласкирева стала купчей Посника Соловцова и была ему отдана в собственность как документ, удостоверяющий его права на сц. Старое Глебовское.

Возможно, что и купчая И. А. Колычева 1515/16 г. не избежала приклейки к ней приговорной записи 1554/55 г. Об этом говорят следы приклейки к верхнему краю купчей какого-то ныне отсутствующего листа бумаги и фрагменты букв подписи по месту бывшей склейки. Ниже сохранилась

⁹¹ Там же.

⁹² Описание ГКЭ. Т. 2. С. 252 (РГАДА. ГКЭ. Коломна. № 57/6367. Л. 55–56. Гл. 18).

⁹³ Описание ГКЭ. Т. 2. С. 252 (РГАДА. ГКЭ. Коломна. № 57/6367. Л. 54 об.–55, 96–96 об. Гл. 17).

подпись дьяка на самом листе купчей⁹⁴. Почему дополнительный лист с приговором был приклеен к купчей 1515/16 г. сверху, а не снизу, как к купчей 1531/32 г., нам неизвестно.

В отличие от того, как поступил в 1554/55 г. Гаврила Колычев, дав выкупщику купчую грамоту и очищальную запись от своего имени, братья Ласкиревы в 1561 г. не дали выкупщику ни новой купчей, ни очищальной записи. Но за них это сделал по приказу царя дьяк Ляпун Ковезин, причем довольно оригинальным способом: действующей купчей для нового владельца была признана старая купчая Д. Ф. Ласкирева, а отсутствующую очищальную запись продавцов заменила подпись отца и сына Манасеиных, заверявших, что их семейству до объекта выкупа дела нет.

Нарушил ли бы царь закон (а именно статью 85 Судебника 1550 г.), если бы решил дело в пользу Ласкиревых, т.е. отверг бы притязания выкупщика, имеющего все предусмотренные законом права на выкуп? Нет, закон не был бы нарушен, поскольку согласие владельца признавалось в нем одним из необходимых условий выкупа (ст. 85, § 3), а согласия Ласкиревых на выкуп у них сщ. Старого Глебовского не было. Нарушением закона явилось как раз несоблюдение этого пункта. Когда в 1557 г. митрополит Иоасаф просил царя о «милости» для «Михайловых детей Грекова», имелось в виду не нарушение ради них закона, а решение их дела с позиции «наибольшего благоприятствования» по отношению к ним. Но решить этот вопрос в законном порядке можно было только на судебном заседании с очной ставкой сторон. Вот почему Иван IV с такой настойчивостью требовал возвращения Обрюты в Москву в 1557–1558 гг. И если бы суд состоялся тогда, царь, скорее всего, вынес бы другой приговор, чем тот, который он объявил в 1561 г.

К 1561 г. недовольство царя Обрютой достигло своего предела. Неявка в Москву в течение четырех лет вопреки ясно выраженной царской воле вменялась теперь в вину самому Обрюте, исполнявшему приказы патриарха, а не царя. Не имея в начале 1561 г. никаких известий о делах в патриархате, царь мог сам дать сигнал Поснику Соловцову о возобновлении начатого им в 1557 г. наступления на Ласкиревых, которое он до тех пор сдерживал. Приезд в Москву из Константинополя 11 апреля 1561 г. купца Василия Позднякова с письмом от патриарха Иоасафа II, не содержащим никакого ответа на просьбу царя вернуть Обрюту «часа того»⁹⁵, лишь добавил масла в огонь. Сыграла свою роль, конечно, и близость Обрюты к опальному с сентября 1561 г. митрополиту Иоасафу. В результате царь, собиравшийся как будто оказать «милость» Обрюте

⁹⁴ В издательском описании подлинника купчей 1515/16 г. сказано: «У верхнего края грамоты видны части букв и следы склейки, возможно, она была частью столбца» (АРГ. Т. 1. С. 124. № 125).

⁹⁵ РГМ. Т. 1. С. 254–255. № 121; ср.: Там же. С. 247. № 113.

и его братьям, «Михайловым детям Грекова», продемонстрировал, наоборот, немилость к ним. «Tempora mutantur et nos mutamur in illis!».

После 1561 г. имя Федора Ласкирева надолго исчезает из источников. Первые сведения о его служебной деятельности относятся к 7077 (1568/69) г. Сохранился список с выписи «с костромских книг писма и меры Федора Ласкирева с товарищи 77-го году»⁹⁶. Писцовое описание Костромского уезда в 1568/69 г. было важным правительственным заданием. К тому же писцовое дело могло рассматриваться как традиционное для Ласкиревых занятие, переходящее от отца к сыну. Отец Федора, Михаил Дмитриевич, в 50-х годах XVI в. тоже был писцом. В грамотах 1555 и 1557 гг., выданных служилым татарам на поместья в Мещерском уезде, размер пашни указывался «по Михайлову писму Ласкирева»⁹⁷. Михаил Ласкирев как будто специально командировался в татароязычные регионы. Так, в апреле 1554 г. царь велел ему и Григорию Нечаеву сыну Карамышеву быть «в городничих» в Казани⁹⁸.

Назначение Ф. М. Ласкирева писцом Костромского уезда в 1568/69 г. свидетельствует о том, что опала с него была снята не позже 1568 г. Но чем он занимался в 1561–1567 гг.? В объяснительной записке, поданной Ивану Грозному в сентябре 1561 г., митрополит Иоасаф называет Федора Обрюту «твоим (т.е. царя — С.К.) толмачом». Такое определение служебного статуса Обрюты митрополитом Иоасафом могло отражать не реальное положение вещей, а только представление бывшего учителя о той роли, к исполнению которой ему поручили подготовить его ученика. Тем не менее мы полагаем, что митрополит Иоасаф не ошибся в определении положения Обрюты в 1561 г. Более того, думается, что Обрюта мог иметь отношение к составлению «греческой» посольской книги № 1.

Рассмотрим ход ее формирования начиная с того момента, когда в ней появляется первое упоминание о еврипском митрополите Иоасафе, с деятельностью которого были так тесно связаны жизнь и карьера молодого Обрюты. Это первое упоминание находится на л. 85, где помещено сообщение о приезде в Москву 1 октября 1556 г. митрополита Еврипского и Кизицкого Иоасафа. С л. 85 начинается почерк XIII посольской книги, заканчивающийся на л. 170 об. Выделяя разделы книги по почеркам, назовем пласт бумаги, образуемый л. 85–170 об., разделом А. Почерк XIV присутствует в разделе А фрагментарно, короткими вставками (см. л. 101, 102, 103) и поэтому не может быть выделен в самостоятельный раздел. Почерком XV охвачены л. 171–181 об. Будем считать их разделом Б. Лл. 182–211 об. написаны почерком XVI. Это раздел В. Завершающая часть кодекса — раздел Г — представлена л. 212–238 об., написанными почерком XVII.

Распределение текста по почеркам в целом соответствует разделению

⁹⁶ АСЗ. Т. 2. С. 424. № 494.

⁹⁷ АСЗ. Т. 3. С. 19, 188. № 21, 230.

⁹⁸ БРК. С. 144.

бумаги по типам водяных знаков, хотя и не полностью совпадает с ним. Раздел А состоит из 12 тетрадей (№ 14–25) с водяным знаком «сфера». Две из них (№ 21 и 25) — шестилистные, а остальные 10 — восьмилистные. Этот комплекс тетрадей образует пласт S бумаги кодекса (л. 84а — 170 об.). В разделе Б две восьмилистные тетради (№ 26 и 27) с водяным знаком «лук» или «арбалет» составляют пласт Т (л. 171–185 об.). Материалом для раздела В послужила бумага, водяной знак которой — «рука с сердцем на ладони острием вниз»⁹⁹. Три тетради такой бумаги — восьмилистные (№ 28–30), одна — семилистная (№ 31). Они занимают л. 186–214 об., представляя бумажный пласт V. Филигрань бумаги раздела Г — латинские литеры «AF» с трилистником между ними. Три восьмилистные тетради с этим знаком (№ 32–34) образуют пласт W (л. 215–238 об.).

К характеристике указанных четырех типов филиграней надо добавить, что два из них («сфера» и литеры «AF») помещаются на листах с горизонтальными понтюзо, а два других («лук» или «арбалет» и «рука») — на листах с вертикальными понтюзо. В рукописях in-4° («в четвертку») понтюзо принимали горизонтальное положение (т.е. располагались параллельно строкам текста) в тех случаях, когда исходный для них большой лист in-1° разрезался по вертикальной оси симметрии, а половинки его in-2° складывались по горизонтальной оси, после чего поворачивались на 90° вверх или вниз. Вертикальное положение понтюзо в листах in-4° было результатом разрезания исходного листа in-1° по горизонтальной оси симметрии и складывания половинок по вертикальной оси без поворота на 90°.

Покажем соотношение почерковых разделов с бумажными пластинами:

- I. А (почерк XIII): л. 85–170 об.
S (в/зн. — «сфера»): л. 84а — 170 об.
S > A на 3 чистых листа (84а, 84б, 84в) в начале раздела А.
- II. Б (почерк XV): л. 171–181 об.
Т (в/зн. — «лук» или «арбалет»): л. 171–185 об.
Т > Б на 4 листа (182, 183, 184, 185), не использованные писцом XV в конце раздела Б.
- III. В (почерк XVI): л. 182–211 об.
V (в/зн. — «рука»): л. 185–214 об.
V > V на 3 листа (183, 184, 185), захваченные писцом XVI у писца XV в начале раздела В. V > V на 3 листа (212, 213, 214), не использованные писцом XVI в конце раздела В.
В итоге: V = V.
- IV. Г (почерк XVII): л. 212–238 об.
W (в/зн. — литеры «AF»): л. 215–238 об.
Г > W на 3 листа (212, 213, 214), оставленные чистыми писцом XVI в конце раздела В.

Попытаемся теперь уточнить хронологию почерков. Почерк XIII на-

⁹⁹ Ср.: *Briquet Ch. M. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600.* Lpz., 1923. Т. 3. № 11240 (Ренн, 1559 г.).

чинается с даты — 1 октября 1556 г., конец же его точной даты не имеет. Почерк XIII обрывается на полуфразе в тексте грамоты антиохийского патриарха Иоакима IV 1560 г. Эта грамота — одна из четырех патриарших грамот, привезенных в Москву купцом Василием Поздняковым 11 апреля 1561 г. В посольскую книгу она копировалась последней из них. Отсюда следует, что писец XIII еще работал некоторое время после 11 апреля 1561 г. Писец XV, пришедший ему на смену, первым делом закончил переписку антиохийской грамоты, а следующую после этого запись датировал сентябрем 1561 г. Таким образом, писец XIII кончил, а писец XV начал работу в промежутке между 11 апреля и 1 сентября 1561 г. Будем условно считать хронологической границей их деятельности 30 июня 1561 г.

Конец почерка XV случился опять-таки на полуфразе копируемой грамоты, на этот раз константинопольского патриарха Иоасафа II декабря 1560 г. В посольской книге присутствует русский текст трех его грамот (перевода четвертой грамоты нет). Первую из этих грамот, самую важную для царя, «уложенную» грамоту о царском титуле, снабженную подписями участников собора, в посольскую книгу успел переписать писец XV. Значит, он продолжал работать некоторое время после 17 сентября 1561 г. — даты встречи митрополита Иоасафа с царем. Но уже на второй грамоте, где как раз говорилось о миссии митрополита Иоасафа, писца XV сменил писец XVI. Возможно, это произошло после того, как митрополит представил царю свою «память» о поведении в Литве, которая тоже была переписана в посольскую книгу, сразу вслед за патриаршими грамотами.

Согласно летописному рассказу, царь митрополита Иоасафа «пожаловал, отпустил», но не в Константинополь, а в путешествие по московским и новгородским монастырям: «велел ездити по всем монастырем»¹⁰⁰. Известие об этой почетной ссылке помещено непосредственно перед сообщением о начавшейся 21 сентября поездке Ивана IV с царицей Марией Темрюковной, братом Юрием Васильевичем и детьми на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. «Память» митрополита Иоасафа Иван Грозный получил накануне своего отъезда в Троицу, 20 сентября 1561 г.¹⁰¹ Скорее всего, тогда и произошла смена писцов посольской книги. Будем считать 20 сентября датой окончания почерка XV и начала почерка XVI, продолжавшегося до записи от 17 декабря 1567 г. Деятельность писца XVI датируется, таким образом, временем между 20 сентября 1561 г. и 31 декабря 1567 г.

Что касается почерка XVII, то его датировка не вызывает затруднений. Этот почерк относится к небольшому отрезку времени — с 1 марта до 30 апреля 1571 г.

Мы предполагаем, что писец XVI может быть отождествлен с Федором

¹⁰⁰ ПСРЛ. СПб., 1906. Т. 13, вторая половина. С. 339.

¹⁰¹ РГМ. Т. 1. С. 275. № 131.

Обрютой Михайловым сыном Ласкирева. Приведем некоторые наблюдения, свидетельствующие, с нашей точки зрения, в пользу этого предположения. Они касаются хронологии, палеографии и тематики записей, сделанных почерком XVI.

Хронология. Начало почерка совпадает со временем возвращения Обрюты в Москву. Это сентябрь 1561 г. Конец почерка приходится на декабрь 1567 г., а в 1568/69 г. мы видим Федора Ласкирева писцом Костромского уезда¹⁰², что является показателем радикального изменения его сферы деятельности.

Палеография. Почерк XVI имеет черты, которые могли быть свойственны человеку, прошедшему греческую школу письма. Одной из интересных особенностей этого почерка является систематическое неупотребление строчной буквы «земля» (з) и последовательная замена ее буквой «зело» (s) даже в тех случаях, когда правописание через «з» стало традиционным для русских рукописей XVI в. (например, в слове «князь»). Букву «з» писец XVI использует только как надстрочную (выносную). Такое отношение к букве «з» могло определяться тем, что писец привык изображать звук «з» греческой буквой «сигма» (ς) вследствие того, что буква «дзета» (ζ), прототип кириллической «земли» (з), в древнегреческом звучала как «дз».

В почерке XVI привлекает внимание также манера написания буквы «а» (юс малый), в которой резко выделяется правая ножка. Она начинается намного выше левой, пишется с нажимом под углом 45° к строке. Короткую левую ножку писец обычно доводит только до перекладки, которая становится основанием буквы «а». Конец левой ножки либо не воспроизводится вообще, что делает из буквы «а» букву «А», либо переносится вправо и начинается в месте соединения правой ножки с перекладкой, благодаря чему «а» приобретает вид современного «я». Очень похожее начертание буквы «а» можно встретить в греческой рукописи около 1485 г., содержащей текст «Физики» Аристотеля¹⁰³.

Тематика. Почерком XVI написано 12 текстов, которые по хронологии делятся на три группы.

Первая группа относится, по-видимому, к сентябрю—октябрю 1561 г. Сюда входят окончание (вторая половина) текста второй¹⁰⁴ и весь текст третьей грамоты патриарха Иоасафа II¹⁰⁵, а также «память» митрополита Иоасафа о пребывании в Литве в 1561 г.¹⁰⁶

Вторая группа записей датируется сентябрем—ноябрем 1564 г. Эти записи появились в связи с отъездом митрополита Иоасафа из Москвы в Константинополь по необычному для него маршруту — через

¹⁰² См. выше, примеч. 96.

¹⁰³ Μιόνι Ε. Είσαγωγή στην ‘ελληνική παλαιογραφία. Αθήνα, 1979. Πίνακες. XXVIII.

¹⁰⁴ РГМ. Т. 1. С. 268—273. № 129.

¹⁰⁵ Там же. С. 273—275. № 130.

¹⁰⁶ Там же. С. 275—280. № 132.

Казань, Астрахань, Кабарду и Кахетию в Трапезунд, откуда кораблем в Константинополь. Кроме записей сентября 1564 г. о челобитье митрополита¹⁰⁷ и отпуске его царем¹⁰⁸, здесь помещена датированная также сентябрем 1564 г. грамота Ивана IV патриарху Иоасафу II с благодарностью за грамоту о царском титуле и извещением о посылке ему и другим участникам собора царской «милостыни вкратце» в размере 1500 руб., которую должны были доставить в Константинополь митрополит Иоасаф и патриарший слуга Михаил¹⁰⁹. Вероятно, одновременно с грамотой патриарху Иоасафу II была составлена «роспись» о распределении «милостыни» по получателям¹¹⁰.

Два последних документа этой группы — грамоты Ивана IV о благоприятствовании проезду и беспошлинном пропуске митрополита Иоасафа, патриаршего слуги Михаила и эклесиарха Феофана с тремя старцами Лавры св. Афанасия на Афоне. Грамота, датированная октябрем 1564 г., была адресована черкасскому (кабардинскому) князю Темрюку Айдаровичу¹¹¹; грамота, датированная ноябрем 1564 г., — грузинскому князю (кахетинскому царю) Леону (Левану)¹¹².

В третью группу текстов, написанных почерком XVI, входят всего два документа: 1) запись о доставке Ивану Грозному 17 декабря 1567 г. письма из Кафы от эклесиарха Феофана, участника экспедиции митрополита Иоасафа¹¹³; 2) перевод этого письма на русский язык¹¹⁴. Феофан извещал царя о смерти на пути из Астрахани в Кабарду патриаршего человека Михаила, а в Грузии (Кахетии) — самого митрополита Иоасафа. По словам Феофана, митрополит, будучи спрошен князем Леоном, кому предназначены деньги, которые он везет, ответил, что это подарок царя Ивана IV лично ему, а не константинопольской церкви, вследствие чего после смерти митрополита Леон конфисковал царскую «милостыню» и отказывался ее выдать афонским старцам для передачи патриарху. Так Иоасаф был скомпрометирован в глазах царя в третий и последний раз, теперь уже посмертно.

Все три группы записей, сделанных почерком XVI, отделены друг от друга значительными временными интервалами. Между первой и второй группами интервал составил три года (с сентября 1561 г. до сентября 1564 г.). Не менее длительным был интервал между второй и третьей группами записей (с ноября 1564 г. до декабря 1567 г.).

Несмотря на хронологические разрывы между тремя группами за-

¹⁰⁷ Там же. С. 280–281. № 133.

¹⁰⁸ Там же. С. 281. № 134.

¹⁰⁹ Там же. С. 281–284. № 135.

¹¹⁰ Там же. С. 284–285. № 136.

¹¹¹ Там же. С. 285–286. № 137.

¹¹² Там же. С. 286–287. № 138.

¹¹³ Там же. С. 287. № 139.

¹¹⁴ Там же. С. 287–288. № 140.

писей, их объединяет общность тематики. Ключевой фигурой каждой группы является митрополит Иоасаф. Перед читателем как бы разворачивается драма его жизни в трех действиях: опала — помилование — смерть. В первой группе особое внимание привлекает «память» митрополита о его поведении в Литве, во второй — запись об отпуске митрополита царем, в третьей — рассказ о попытке присвоения митрополитом царской «милостыни», предназначенной для раздачи участникам собора 1560 г.

В первой группе записей обращает на себя внимание, кроме «памяти» митрополита, само место текста, откуда начинается почерк XVI. Это фраза, в которой патриарх Иоасаф II благодарит царя за присылку «милостыни», доставленной в Константинополь в 1557 г. митрополитом египетским Иоасафом. Начало фразы содержится в пяти последних строках л. 181 об., написанного почерком XV, а конец — в первых четырех строках л. 182, написанных почерком XVI: «(л. 181 об.) Яко же преже того пришедши к нам от твоего царствия пресвященнии митрополит Еврипский Иасаф, началноизряднейшии патриаршеский посланник, и с ним еси прислал к нам царьскую твою помощь | (л. 182) и милостыню благодати ради матери всем церквам, сия убо, глаголю, у нас великие апостолские церкви, и предал нам верно и невредно твою царьскую милостину».

Эту фразу Обрюта считал, вероятно, необходимой, а, может быть, и достаточной для того, чтобы реабилитировать митрополита от тех обвинений, которые выдвигал против него архимандрит Феодорит. Во всяком случае, перевода специальной реабилитационной грамоты Иоасафа II 1560 г., посвященной перечислению всего состава «милостыни», привезенной митрополитом Иоасафом из Москвы в 1557 г.¹¹⁵, в посольской книге нет. Надо думать, что отсутствие русского перевода реабилитационной грамоты объясняется возникшим у Обрюты опасением той реакции, которую она могла бы вызвать со стороны прежних обвинителей, например, архимандрита Феодорита или купца Матвея Волкова. Его страшила перспектива повторения и подтверждения старых обвинений, предъявленных митрополиту Иоасафу в 1557 г. Достаточно было нового обвинения в целовании креста польскому королю.

На протяжении всего периода службы Обрюты толмачом и писцом Посольского приказа он оставался как бы заложником царя по митрополите Иоасафе, а тот и на последнем этапе своей жизни не избавился от присущего ему корыстолюбия.

Однако на этот раз известие о неблагоприятном поведении митрополита Иоасафа не имело как будто отрицательных последствий для Федора Обрюты. Узнав о смерти митрополита Иоасафа, Иван IV как будто успокоился в отношении Обрюты, и тот выпал из числа подозреваемых в измене. Началась новая карьера уже не Обрюты, а Федора Ласкирева.

¹¹⁵ *Analecta byzantino-russica*. P. 83–85. № 4.

И первым серьезным экзаменом для него стало упомянутое выше описание Костромского уезда в 1568/69 г. Несмотря на успешное выполнение этого задания, жизнь Ф. М. Ласкирева складывалась, видимо, не гладко.

После 1568/69 г. Федор Ласкирев исчезает из нашего поля зрения на пять с лишним лет. Что он делал в последние годы опричнины и в первые два года после ее отмены, неизвестно. Военная карьера Федора Ласкирева началась в Великих Луках, где он находился с 25 марта 1575 г. по начало сентября 1577 г. в должности осадного головы или воеводы¹¹⁶. Осенью 1577 г. Федор Ласкирев был назначен вторым воеводой сторожевого полка, стоявшего в Коломне в ожидании нашествия крымского войска во главе с ханом Девлет-Гиреем¹¹⁷. В коломенском походе участвовал и сам царь. В боярском списке 1577 г. Федор Ласкирев фигурирует в числе дворян выборных по Дмитрову с окладом в 600 четей. Его имя сопровождается здесь пометой: «Со государем в высылку»¹¹⁸. В 7086 (1577/78) г. Ф. Ласкирев был вторично использован для писцового описания Костромского уезда¹¹⁹. Вероятно, он занимался этим делом в 1578 г., по возвращении из Коломенского похода.

С 1579/80 г. по март 1581 г. Федор Ласкирев был первым воеводой в Торопце. Упомянув Ф. М. Ласкирева в этой роли, разрядная книга почтительно называет его «Федор Михайлович Ласкирев»¹²⁰. Однако в какой-то момент между мартом и июлем 1581 г. Федору Михайловичу было «велено быть к государю»¹²¹. О причине и цели этого вызова можно только гадать. В конце царствования Ивана Грозного Федор Ласкирев в очередной раз выполнял работу по описанию земель. В писцовых выписях XVII в. упоминаются его дозорные книги по Новгородскому уезду, составленные в 1582/83 г.¹²²

Служебная деятельность Ф. М. Ласкирева успешно продолжалась при царе Федоре Ивановиче. С осени 1584 г. до 15 августа 1586 г. он был наместником и воеводой в Новгороде-Северском¹²³, а в 1587 г. сидел на воеводстве в Воронеже¹²⁴. В боярском списке 1588–1589 гг. Федор и его младший брат Иван упомянуты в рубрике «Дворяне. 3 государем все, опричь тех,

¹¹⁶ БРК. С. 269, 272.

¹¹⁷ Там же. С. 284.

¹¹⁸ Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и Роспись русского войска 1604 г. / сост., подг. текста и вступ. статья С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславского. М., 1979. Ч. 1. С. 90.

¹¹⁹ АСЗ. Т. 3. С. 272. № 332.

¹²⁰ БРК. С. 312, 316, 320.

¹²¹ Там же. С. 320.

¹²² *Веселовский С. Б.* Дьяки... С. 208; Описание ГКЭ. Т. 2. С. 635 (РГАДА. ГКЭ. Новгород. № 41/8482).

¹²³ БРК. С. 348, 359, 377.

¹²⁴ Там же. С. 381, 385.

о которых поговорить, или на дальних службах». Персонально о Федоре и Иване сказано следующее: «Федор да Иван — отос[лан] — Михайловы дети Ласкирева»¹²⁵. Помета «отослан» относится, по-видимому, к одному только Ивану, который был в это время болен, о чем сообщает запись в другом списке, а именно — в списке дворян, намеченных к участию в шведском походе 1589–1590 гг. Ласкиревы и здесь фигурируют в рубрике «Дворяне»: «Федор — в пис[ьме] по Брянску — да Иван — (бол[ен]) — Михайловы дети Ласкирева»¹²⁶. Отсюда мы узнаем, что Федор в 1589 г. опять занимался писцовым делом — описывал Брянский уезд.

Его последняя служба — участие в шведском походе в январе 1590 г. в качестве «головой у огней» «в стану государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси»¹²⁷. Брат Ф. М. Ласкирева Иван участвовал в этом же походе в должности есаула из дворян в царском полку¹²⁸. Так младший брат пришел на смену старшему.

В 1590 г. Федор Михайлович Ласкирев был еще не стар, особенно с нашей современной точки зрения. Если в 1551 г., когда Федор Обрюта неопытным «паробком» отправлялся на учебу в Константинополь, ему было около 15 лет, а в 1561 г., когда он вернулся оттуда «человеком», — лет 25, то к 1590 г. его возраст мог достигнуть 55 лет, что только на полтора года превышало продолжительность жизни царя Ивана Васильевича. Точных данных о дате смерти Ф. М. Ласкирева у нас нет, но нет и никаких сведений о его существовании после 1590 г. Поэтому мы считаем 1590 год датой окончания не только деятельности, но и самой жизни этого человека. Были ли у него прямые наследники — дети, внуки, неизвестно. О старшем из младших братьев Ф. М. Ласкирева — Василии — после 1561 г. данных нет. Совсем ничего неизвестно о деятельности Якова — самого младшего брата Федора Михайловича. В родословной Ласкиревых названо только его имя. Зато значительная информация имеется о третьем сыне Михаила Дмитриевича — Иване, начавшем свою карьеру в тот момент, когда деятельность его старшего брата Федора подошла к концу. Иван Ласкирев фигурирует в источниках с 1589/90 г. до 1615 г., его сын Никита — в 1619–1645 гг.

¹²⁵ Боярские списки... Ч. 1. С. 126.

¹²⁶ Там же. С. 276.

¹²⁷ БРК. С. 415.

¹²⁸ Там же. С. 416.